

Ж. - Б. СЕВЕРАК

Антихристианство г. Розанова

В современном мистическом движении в России, некоторые черты которого были отмечены нами при анализе религиозно-этических идей г. Мережковского *, значительное место следует отвести творчеству В. В. Розанова. Мы хотим на этих нескольких страницах познакомить читателей с основными идеями этого писателя.

I

Это — задача нелегкая. Г. Розанов ни разу не дал систематического изложения своих идей. Его произведения носят характер хроники, ведущейся изо дня в день. Книжки, различные события повседневной жизни, — вот что дает ему повод высказывать свои мысли. Этот род литературы имеет большое преимущество, так как позволяет оставаться в пределах действительной, реальной жизни; как бы высоко ни направил г. Розанов свой мистический полет, он не теряет из виду землю и земную жизнь. Но, с другой стороны, этот же род литературы представляет и большие неудобства. Г. Розанову часто приходится повторяться, потому что повторяются и сами события повседневной жизни. Он редко высказывает свою мысль до конца. Он постоянно начинает и почти никогда не кончает. Когда читаешь его газетные и журнальные статьи, часто кажется в конце страницы, что сейчас автор перейдет к окончательным выводам. После массы словесных тонкостей, рассуждений, цитат вопрос, наконец, постав-

* См. №№ 10–11 «Вестника знания» за 1907 г., статья Ж.-Б. Северака «Религиозно-нравственные идеи в произведениях Д. С. Мережковского».

лен, необходимый для его решения материал найден и освещен; несомненно, что на следующих страницах вы найдете это решение; вы переворачиваете страницу — и видите, что хроника окончена. Это первая трудность.

Другая трудность понимания идей г. Розанова заключается в его стиле. Мне удалось увидеть одну из ненапечатанных еще статей молодого русского критика, г. Философова, в которой автор говорит следующее: «В своем стиле г. Розанов является творцом новых ценностей... Читатель поражен, настолько стиль Розанова блестящ, ярок, самобытен... После Пушкина, Тургенева, Достоевского, когда, казалось, русский язык достиг максимума богатства и блеска, Розанов нашел в нем новые красоты, он преобразовал его, и все это — без малейших усилий»¹. Ничто не останавливает г. Розанова, ни словарь, ни синтаксис. Чувствуется, что он выковывает свой язык в ту минуту, когда пишет. Результат часто получается прекрасный, хотя очень нередко бывает наоборот. К тому же г. Розанов не отличается достаточно тонким художественным чутьем и нередко бывает тривиальным, желая быть простым, или грубым, желая выказать силу.

В русской литературе почти невозможно найти хоть что-нибудь, что могло бы явиться руководящим материалом для того, кто желает разобраться среди массы разбросанных произведений этого писателя, еще очень мало изученных. Государственная жизнь России поставила русскую литературу в особые условия. Литература почти вся проникнута политикой. Вовлеченная в освободительное движение интеллигенция привыкла требовать от писателей доказательств их либерализма и симпатий к революции. В начале своей литературной карьеры г. Розанов не мог дать этих доказательств. Его сотрудничество в самых реакционных органах, его преданность православию и самодержавию делали его подозрительным в глазах публики: читать его представили попам, бюрократам и группе писателей-декадентов, занятых одним искусством и красотой. Впоследствии, когда он выступил против христианства, реакционеры от него отвернулись, и он остался один, непринятый другими. Критических статей, посвященных г. Розанову, очень мало.

II

Г. Анатолий Леруа-Болье указал в своей книге «*Empire des Tsars*» («Империя Царей») на глубоко реалистический характер русского мистицизма². Этим свойством в очень высокой степени отличается г. Розанов.

Г. Розанов страстно влюблен в природу. Он любит ее в самых величественных и в самых ничтожных ее проявлениях. Он любит небо, море, лес так же, как и цветы и молодую траву. Для того, кто умеет снимать покровы, которые воспитание положило между человеком и природой, последняя является в одеянии несказанной красоты. Для того, кто не довольствуется поверхностными объяснениями позитивной науки, все в природе представляется тайной. Наука говорит о начале вещей, но не говорит об их цели; после объяснений ученого смена дней и ночей не теряет своей таинственности; полны тайны и расцветание цветка, и ритмичное волнение океана, и ночная феерия звездного неба.

Прекрасная и таинственная природа имеет для г. Розанова еще другое великое свойство: она — божественна. Один из немногих критиков г. Розанова, г. Волжский, говорит о его пантеизме, и сам г. Розанов тоже употребляет это слово. Такое определение верно, если только не придавать ему слишком строгий смысл. Было бы большой ошибкой искать сходства между мирозерцанием г. Розанова и системой Спинозы, который видит во вселенной развитие атрибутов Бога, а в телах — модусы этих атрибутов; взгляды г. Розанова чрезвычайно далеки от робкого и методичного рационализма Спинозы. Но если признать, что для него природа во всех своих проявлениях как бы проникнута божественным дыханием, что только приобщившись к ее тайнам, можно найти путь, ведущий к Богу, и, трепеща перед ее красотами, выказывать свою любовь к Богу, то в таком случае здесь может идти речь о пантеизме.

В самом деле, для г. Розанова нет ничего в природе, что не было бы святым. Чем величественнее ее красота, чем глубже ее тайна, тем ярче это указывает на существование Бога.

Но что в природе прекраснее и таинственнее жизни и, в особенности, той темной силы, благодаря которой беспрестанно воспроизводится жизнь, вечно юная и вечно новая? Все проявления этого постоянного обновления, этой вечной победы жизни над смертью умиляют г. Розанова и наполняют его душу энтузиазмом.

Дитя — самое прекрасное из творений; никакая грязь не осквернила его душу; и как верно то, что взрослые чувствуют себя лучшими в обществе детей! Ребенок полон тайны; можно было бы сказать, что он сохранил память о загадке, из которой он едва вышел и которая придает странное выражение его глазам, еще совершенно неопределенного цвета.

Все, что походит на ребенка, отличается его красотой и обаянием. Молодые народы, подобно детям, ближе к бытию, к нача-

лу, к явлению жизни. Оттого-то г. Розанов так любит их и часто возвращается к прошлому. Греция с ее самыми темными культурами, Иудея с ее прославлением семьи и размножения, Египет и Вавилон с их натуралистическими религиями, почитанием сил природы и обожествлением плодovitой любви, — привлекают г. Розанова; он восхищается их символами и иллюстрирует свои книги их рисунками. Улыбка сфинкса трогает его так же глубоко, как и улыбка ребенка.

Ребенок придает свою красоту и святость семье. Семья — это «Аз есмь» каждого из нас; «святая земля», на которой издревле стоят человеческие ноги... Это есть целый клубок таинственностей; узел, откуда и начинаются нити, связующие нас, ограничивающие наш произвол, но так, что здесь мы только радостно покоряемся подобному ограничению. Семья — начало религии, религиозных связей человека с миром. Это есть настоящее духовное отечество наше, способ такой обязанности людей, где они уже без «нравственного богословия» любят друг друга, проливают друг за друга пот и готовы пролить, да и проливают иногда кровь» *.

Но ребенок может дать семье святость и красоту потому, что семья есть естественная среда плодovitой любви, и половое соединение, чудесный фактор вечной юности мира, — самое таинственное и величественное явление во Вселенной. Ночь является моментом любви; вот что говорит о ней г. Розанов:

«Почти вся природа выбирает ночь для любви. Это — время, когда каждое существо забывает немного мир и *остается наедине только с самим собой*. Ночь является для каждого завесой, скрывающей его от других, скрывающей от него все пределы, кроме самых близких. Соединение полов — это момент, заключающий в себе большую часть души и жизни. Ночь имеет душу, отличную от души дня; она живет своей жизнью, пульс ее бьет иначе, чем пульс дня. Ночь — *другое существо*, чем день, и пробуждает в каждом из нас иное существо, чем то, которое в течение дня работает, покупает, продает, хитрит. Ночь — благоуханнее дня, торжественнее, безмолвнее. Многие цветы раскрывают свои венчики только ночью, и именно ночью жасмин издает особенное благоухание. Одним словом, вечером, когда начинается ночь, вся земля как бы меняет свои одеяния».

«Тайна пола» становится величайшей тайной. Пол есть наиболее глубокое явление во всяком живом существе. Попробуйте, говорит г. Розанов, судить о душевных качествах человека по его лицу, и вы наделаете массу ошибок. Напротив, вы легко

* «В мире неясного и нерешенного», с. 50.

прочтете на нем возраст, т. е. стадию развития пола, вы прочтете на нем также целомудренность или развратность, т. е. опять-таки половые наклонности. «Лицо есть ответ пола, его далеко отброшенное, но точное и собранное, сосредоточенное устремление» *. Посмотрите также, продолжает г. Розанов, как влияет равновесие и расстройство половых отправлений на наше «душевное состояние», на деятельность нашего ума и воображения. Посмотрите, наконец, как разнится «женская логика» от мужской. И г. Розанов приходит к следующему заключению: «Все вообще соглашаются, что есть “женская” и “мужская” душа: странный термин, выражающий, в сущности, что *душа имеет в себе пол*, и что *пол в нас и есть наша душа*» **.

Таким образом, половая любовь есть самое божественное в нас; в воспроизведении лучше всего проявляется в природе божество. Приблизиться к этой тайне — значит приблизиться к Богу. Последним словом натурализма г. Розанова является «обоожествление пола».

III

Когда г. Розанов ищет в истории проявлений этого воззрения на божественное свойство пола и на святость всего, что связано с ним, — семьи, брака, любви, он вынужден констатировать, что они постепенно ослабевают.

Человечество проходит тот же путь, что и каждое человеческое существо. Ребенок не ведает ни греха, ни зла. Это свойство он теряет по мере того, как растет. «Безгрешность младенца, его сияние, его — дерзнем сказать — положительная святость: откуда это, что за странность? Ведь он должен бы быть простым “куском мяса” и возрастать в красоте по мере того, как от букваря мы переводим его к арифметике. Но нет этого. Вопреки всем нашим умственным расчетам — нет. Младенец *темнеет* по мере того, как он отходит от рождения» ***. Становясь старше, он как бы теряет с каждым днем частицу тайны, принесенной им из таинственного мрака, откуда он явился.

Человечество подобно ребенку. Вавилон, Египет, Греция и Иудея любили в природе то, что в ней есть наиболее божественного — плодovitость. Цивилизации этих народов, более близ-

* «В мире неясного и нерешенного», с. 4.

** Там же, с. 7.

*** Там же, с. 108.

кие к природе, были более истинными и святыми. Они лучше сохранили воспоминание о Рае, о первобытном райском состоянии; они остались чисты и близки к богам. Египет имел сфинксов — символ глубокого единения божества и людей. Далекое от того, чтобы отворачиваться от пола, эти древние народы видели его величие, доказательством чему служат многочисленные культы Востока и Греции, начиная с культа Изиды и кончая культом Афродиты. Но благоговение перед половой жизнью сильнее всего проявлялось у иудеев; они поняли божественную заповедь: плодитесь и размножайтесь; они чтити семью и создали из пола высшую точку соприкосновения человека и божества, что видно из обряда обрезания.

До-христианские народы до того обожеествляли пол и плодovitую любовь, что требовали их почитания. Вот чем и объясняется их ожидание Мессии. Они думают, что от полового соединения, от этого божественного акта, некогда явится воплощенное божество. Вот почему волхвы шли за звездой, сиявшей на востоке, и пришли в Вифлеем поклониться только что родившемуся ребенку.

Но все это — в прошлом. Оглядываясь вокруг себя, г. Розанов приходит в ужас от того, что видит. Первобытная чистота человека исчезла; люди как бы стыдятся того, чему они обязаны жизнью и что дает им возможность создавать новые жизни. Детоубийства учащаются; проституция с каждым днем расцветает; вместо того, чтобы смотреть на семью «как на высшую ступень близости к богу», ее не чтут. Потеряв то, что являлось самым надежным его религиозным принципом, человечество перестало быть интересным и прекрасным. Любовь к природе и религия пали одновременно.

Когда же это случилось? — спрашивает г. Розанов — и отвечает: со времени Христа. Христианство отняло у людей их святое благоговение перед жизнью и в то же время убило в них истинное религиозное чувство. В течение двух тысяч лет целомудрие возводится в единственную действительную и спасительную добродетель. Была разбита связь, существовавшая между землей и небом, так как единственным средством попасть на небо сделалось отрицание земли, чувство стыда за половые наклонности, борьба с любовью и сожаление о плодovitости брака.

«Когда же они (волхвы) отошли, — се, Ангел Господень является во сне Иосифу и говорит: встань, возьми младенца и мать его, и беги в Египет, и будь там, доколе не скажу тебе; ибо Ирод хочет искать младенца, чтобы погубить его. — Он встал, взял младенца и мать его ночью, и пошел в Египет, — и там был до

смерти Ирода... Тогда Ирод, увидев себя осмеянным волхвами, весьма разгневался и послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его от двух лет и ниже» (Матф. II, 13–16).

В одной из своих статей, посвященной этой легенде об Ироде, г. Розанов замечает, что христианство, по-видимому, прониклось духом этого приказа иудейского царя³. Делая из целомудрия высшую добродетель, видя в браке не средство приблизиться к Богу, но убежище от разврата, христианство продолжает дело избиения невинных.

В России существует чудовищная секта, основатель которой, некто Селиванов, жил в конце XVIII столетия⁴. Подобно многим другим мистикам, последователи Селиванова видят в самом строгом воздержании условие спасения. Но для того, чтобы не подвергаться искушению, они изуевичивают себя, приводя в свое оправдание следующие слова Иисуса: «Ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства небесного. Кто может вместить, да вместит» (Матф. XIX, 12).

Г. Розанов думает, что учение Селиванова и скопцов вполне соответствует духу христианства; вот почему православной церкви так трудно уничтожить эту секту. Она не знает, что отвечать скопцам, которые говорят ей: «Мы логичнее вас и с большей верностью относимся к тому учению, которое вы проповедуете». «Краевые тени этого заблуждения (т. е. взглядов Селиванова) обняли, в сущности, весь Запад, — пишет г. Розанов... “Как может касаться чаши со св. Дарами женатый священник?” — писал в одном частном письме (еще тогда не папа) Григорий VII Гильдебранд⁵. Христианство в бесплотности его учения, как бы в воздушности его небесных истин, казалось этому великому уму и действительно чистому сердцу вовсе не совместимым с реальным и, конечно, плотским существом брака» *. Эти чувства должны были, весьма естественно, выразиться в догматах. Христианство думало, что воплощение божества, в точном смысле этого слова, было бы его падением, что рождение от настоящей женщины осквернило бы Иисуса. Появилась гипотеза, по которой тело Марии было создано из другого вещества, чем остальной мир. Был создан догмат непорочного зачатия. Таким образом, думает г. Розанов, отняли всю ценность у таинства воплощения, которое не означает больше взаимного проникновения неба и земли.

* «В мире неясного и нерешенного», с. 22.

Если эта спиритуализация христианства достигла своих крайних форм в католицизме и монашестве, то не знает в ней недостатка и восточное христианство. Русская церковь хотя и разрешает своим священнослужителям жениться, в действительности не освящает брака. Она отдает предпочтение монахам, черному духовенству, которое ставится выше белого духовенства, — попов. В то время как смерть сопровождается торжественной церемонией, музыка и тексты которой полны великой поэзии, брак и крещение празднуются на скорую руку, можно сказать — почти стыдливо. В сущности, Церковь благословляет в браке не принцип его, союз полов, а внешнее его выражение, перемену имени супруги. Брак, как и крестины, является только формальностью гражданского состояния.

Вывод отсюда такой: христианская религия вместо того, чтобы сблизить человека с Богом, увеличивает расстояние, которое их разделяет. Она не обращена к будущему (потому-то у нее нет и пророков), так как будущее по необходимости есть плод греха. Это — религия смерти.

Она обесплодила европейскую цивилизацию. «Цивилизация европейская, не сейчас только, но и всегда, вечно была и есть “не” плодущая цивилизация; она никогда не вознесла “до неба” (гордо и вместе свято) “чрева носящего” и “сосцов питающих”»*.

Таковы наиболее тяжкие обвинения, направленные г. Розановым против христианства. Они так бурны и так существенны, что их автора можно сравнить с Ницше.

«В. В. Розанов, — писал г. Мережковский, — русский Ницше»**. И в самом деле, много критических доводов против христианства находится одновременно как у Ницше, так и у г. Розанова. «Христианство есть религия смерти», — говорит г. Розанов. Ницше сказал: «Вот христианская концепция Бога: Бог, выродившийся до того, что стал в *противоречие с жизнью* вместо того, чтобы быть ее прославлением и вечным *утверждением!* Объявить во имя Бога войну жизни, природе, воле к жизни! Бог — формула для всякой клеветы “посюсторонней”, для всякой лжи “потусторонней”! Ничтожество, превращенное в Бога, воля освященного ничтожества!»***

Г. Розанов выступает заодно с Ницше, упрекая христианство в недостатке реализма и в бесплодном спиритуализме. Но почва, на которой стоит г. Розанов, не та, на которой находится Ницше.

* «В мире неясного и нерешенного», с. 35.

** «Толстой и Достоевский», т. II. Предисл., с. XXXII.

*** «Антихрист».

ше. Одно из оснований, по которым Ницше обрушивается на христианство, заключается в том, что эта религия со своими нелепостями наносит оскорбление разуму. Г. Розанов, напротив, упрекает христианство в том, что оно не достаточно является религией, пожалуй, можно сказать, — в том, что оно не достаточно абсурдно. Ницше был атеистом; г. Розанов верует.

Каковы же его выводы? Для него дело не может разрешиться тем, что он перестал бы быть верующим. Религиозность, думает г. Розанов, составляет сущность человеческой природы; молиться так же необходимо, как и дышать. Какую же религию предлагает он людям? Какому божеству пошлет он свои молитвы? Будут ли это боги Востока, повелевающие жить, любя жизнь и непрестанно воспроизводя ее, или же Бог христианства, религии бесплодия и небытия?

Казалось бы, что после всего сказанного достаточно поставить вопрос, чтобы сейчас же ответить на него. Разве не ясно, г. Розанов должен был бы отвернуться от Нового Завета и Христа, чтобы обратиться к Богу Ветхого Завета и, даже далее, к богам Египта и Вавилона?

Но в действительности решение г. Розанова отличается запутанностью. Можно сказать, что у него есть два ответа: один, который он развивает всюду, безнадежно повторяя одно и то же, которого он придерживается, потому что может, несмотря на все остальное, согласовать его со всем своим прошлым верующего христианина; другой ответ, который он прячет от самого себя, о котором он едва заикается и которого боится.

Первый заключается в том, чтобы остаться в христианстве, реформируя его. Два крупных недостатка христианства, его «номинализм» и пессимизм, не могут быть вменены Христу.

«Европейское человечество приняло „благую весть“ на острие рассуждения и отнесло ее в академию, а не на умиление сердца... Мы взяли Евангелие умом и в ум, а не сердцем и в сердце. Об этом говорят истории семи вселенских соборов и множества поместных западных, из которых многие продолжались семь, восемь и даже — как Тридентский собор — целых тридцать лет. Тридцать лет рассуждения! Но мы не ошибемся, если, компактно охватив христианство, заметим, что все почти две тысячи лет европейское человечество рассуждало об Евангелии, над Евангелием, по поводу Евангелия — между тем как его можно еще *почувствовать и исполнить*» *. Отдавали время на то, чтобы анализировать и комментировать слова Христа, и забывали о

* «В мире неясного и нерешенного», с. 42–43.

его делах. Были взяты слова, и забыты — дела. Вот это г. Розанов и называем «номинализмом» христианства. Люди действовали «во имя» Христа, но не «по» Христу. По этой причине умножились ереси: слова и рассуждения разделяют людей. Противоречия, которые можно найти между различными Евангелиями, исчезают, как только речь идет о том, чтобы установить черты образа Христа. В этом пункте все вероисповедания сходятся. «Мы построили, — выражается символически г. Розанов, — церковь исключительно в чертах точности и последовательности, почти *юридической*; она стала или мы усиливаемся ее сделать “хранителем”, “консерватором” канонического права почти в том смысле, как есть “консерваторы”, “хранители” музеев, археологических и других. Тьма, так явно “объявшая” христианский мир, объяла вовсе не Лик Спасителя» *. Задача XX века будет заключаться в том, чтобы разогнать эту тьму, разрушить этот храм, оставив слова, взяться за дело, *почувствовать и исполнить* христианство вместо того, чтобы анализировать его. «Вот тема для великого идеального движения XX века: разработка в музыкальных тонах того, что мы разрабатывали до сих пор механизмом памяти» **.

Другим важным недостатком христианства, как мы уже сказали, является то, что это — религия небытия. Происходит это, по мнению г. Розанова, оттого, что помнят только конец, а не начало жизни Христа. Помнят о его смерти, но забыли про его рождение. Помнят Голгофу, — забыли Вифлеем. Атмосфера Голгофы распространилась на все христианство. За слезами учеников последовали слезы верующих. Между тем в особенности следовало бы обратиться к Вифлеему: «Есть религия Голгофы; но может быть и религия Вифлеема; есть религия “пустыни”, “Петрова камня”, но есть и религия “животных стад”, окруживших “ясли”, и многодумных “волхвов с Востока”, пришедших в Вифлеем поклониться исполнению каких-то своих чаяний».

Г. Розанову хотелось бы «согреть» ледяную атмосферу, в которой живет христианство, поставить колыбель на место могилы, освятить брак вместо того, чтобы проповедывать аскетизм, сделать из христианского мира «всемирные ясли».

Но возможно ли это? Можно ли превратить в религию жизни религию небытия и смерти? Вполне ли уверен г. Розанов в том, что он утверждает, когда говорит, что христианство пошло по ложному пути и удалилось от Христа, думая больше о его распя-

* «В мире неясного и нерешенного», с. 44.

** Там же, с. 57.

тии, чем о его пришествии? Если здесь ставится этот вопрос, то именно потому, что сам г. Розанов поставил его себе и, кажется, иногда отвечает на него отрицательно. Тогда он делает вполголоса этот второй вывод, о котором было сказано выше. Он говорит, что христианство не изменило Христу, что эта религия была единственным выводом, который можно было сделать из его учения и жизни, что только здоровые инстинкты людей помешали им совершенно погибнуть, следуя за Христом до конца. Отсюда следует, что не может быть и вопроса о том, чтобы реформировать христианство, дать ему теплоту и жизнь, которых ему недостает. Надо решительно отказаться от него и вернуться к до-христианским религиям. На Христе лежит ответственность за слабости и несчастья человечества в продолжение двух тысяч лет. Он внушил людям обессиливающее чувство греха. Он отнял у жизни всю ее красоту и всю ее смелость. Да и был ли он даже «Сыном Божиим»?

Историки рассказывают, что распространение Евангелия на Руси происходило медленно и с большим трудом. Крещения подданных Владимира в водах Днепра не было достаточно, чтобы искоренить старые, до-христианские верования. Они продолжали существовать наряду с христианством, в незатронутых им глубинах, и даже в настоящее время еще не один народный праздник сохраняет следы культов древних славянских богов. Идеи г. Розанова наводят на мысль об этом язычестве, которое упорно продолжает таиться у русских под покровом христианской нравственности и догматов. Это глубокое течение, будучи долгое время подземным, пробилось вдруг на поверхность в конце XIX века и как бы забило ключом в произведениях г. Розанова. Не обратился ли г. Розанов всецело к прошлому, к красоте и чистоте мира, не сумевшего понять (так как он и не нуждался в этом) жертвы Голгофы?

